

ПАРМА Роман Васильевич – кандидат политических наук, доцент кафедры политологии, ведущий научный сотрудник Центра политических исследований Института гуманитарных технологий и социального инжиниринга факультета социальных наук и массовых коммуникаций Финансового университета при Правительстве РФ (125993, Россия, г. Москва, Ленинградский пр-кт, 49; rparma@mail.ru)

ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ ПРОЕКТЫ БУДУЩЕГО РОССИИ: ИМПЕРСКИЙ, ТЕХНОКРАТИЧЕСКИЙ И НЕОЕВРАЗИЙСКИЙ ПУТИ РАЗВИТИЯ

Аннотация. Статья предлагает аналитический обзор возможных цивилизационных траекторий развития России в контексте постглобального мира. В статье исследуются три конкурирующих и потенциально взаимодополняющих цивилизационных сценария будущего России – имперский, технократический и неоевразийский. Обосновывается, что они представляют собой не просто политические стратегии, а комплексные мировоззренческие и институциональные проекты, апеллирующие к различным фрагментам исторической памяти, культурной идентичности и стратегического воображения. Анализируются их основания, внутренние противоречия и возможности интеграции в условиях трансформации мирового порядка.

Ключевые слова: цивилизация, Россия, империя, технократия, евразийство, национальная идентичность, культурный код, цивилизационный проект, конструирование будущего, стратегический сценарий, стратегия развития, постглобальный мир

Исследование выполнено за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансовому университету.

Цивилизационный проект: траектории развития

XXI в. все более отчетливо проявляется как век цивилизационных сдвигов, кризисов универсалий и глобального институционального дрейфа. Страны, ранее интегрированные в миропорядок модерности, оказываются перед выбором – следовать логике инерционной интеграции в разрушаемые глобальные цепочки или строить собственные цивилизационные контуры, основанные на альтернативных культурных, духовных, исторических основаниях. Цивилизационный проект представляет собой стратегию развития в метафизической и символической рамке, в которой формулируется миссия государства, его культурный код и ценностная идентичность. Такой проект не ограничивается технической модернизацией или административными реформами – он включает образ будущего, коллективную этику и трансцендентную цель.

Ключевые концепции теории цивилизаций Н.Я. Данилевского, А. Тойнби и С. Хантингтона исследуют цивилизационное развитие, но предлагают разные взгляды на будущее. Все они отрицают единство человеческой истории и прогрессивное развитие каждого общества. Их объединяет идея о множественности цивилизаций, но они по-разному трактуют их взаимодействие и перспективы. Все три концепции критиковали унитарность и выдвигали необходимость учета культурного многообразия, но предлагали разные пути достижения стабильности – от регионального объединения до глобального диалога.

Н.Я. Данилевский считал каждую цивилизацию уникальной и самодостаточной. Он утверждал, что духовное наследие одной цивилизации не пере-

дается другой, поэтому линейное развитие единой всемирной истории невозможno. Данилевский выделял культурно-исторические типы как самостоятельные организмы, проходящие этнографический, государственный этапы, период цивилизации и упадка. Он критиковал европоцентризм и идею единой «общечеловеческой цивилизации», подчеркивая уникальность каждой культуры. Славянский культурно-исторический тип Данилевский видел как перспективный, основанный на православии, общинности и синтезе религиозной, научной, политической и экономической сфер. Он предлагал создать Всеславянский союз под предводительством России, но без доминирования в противовес западноевропейской цивилизации. Данилевский считал, что ни одна цивилизация не может быть главной, и важно сохранять баланс между культурно-историческими типами, чтобы избежать гибели всех наций и мира в целом [Данилевский 2008].

А. Тойнби рассматривал цивилизацию как ответ на вызовы, создаваемые природой и обществом. Он выделял 21 цивилизацию, включая православно-славянскую, которые обычно объединялись вокруг доминирующих религий. Тойнби считал, что развитие цивилизации зависит от способности творческого меньшинства адаптироваться к внешним и внутренним вызовам. В будущем Тойнби предвидел создание общечеловеческой экуменической цивилизации на основе синтеза духовных достижений всех культур. Однако он полагал, что существующие мировые религии не смогут удовлетворить духовные потребности будущего общества, и поэтому необходима «религиозная контрреволюция» [Тойнби 1991].

С. Хантингтон объяснял будущее мира через конфликты между странами, определяемые не идеологиями и национальными границами, а «цивилизационными разломами» — границами соприкосновения различных культур. Он выделял 8 цивилизаций: западную, исламскую, китайскую, индуистскую, японскую, православную, африканскую и латиноамериканскую. Хантингтон считал, что наиболее значимые конфликты будут происходить между нациями и группами, принадлежащими к разным цивилизациям. Он прогнозировал, что в обозримом будущем не сложится единая универсальная цивилизация, а мир будет состоять из различных цивилизаций, которым придется учиться сосуществовать. Диалог между цивилизациями он видел как способ предотвращения разрушительных конфликтов.

И Данилевский, и Тойнби видели в России цивилизацию с потенциалом глобального влияния. Первый делал акцент на этнической общности, а второй — на духовном синтезе. Хантингтон рассматривал Россию как часть православно-славянской цивилизации, но подчеркивал риски конфликтов с Западом и исламом. Концепции Данилевского, Тойнби и Хантингтона остаются актуальными для анализа современного развития общества. Их проекты будущего отражают поиск баланса между глобализацией и культурным самоопределением, предлагая альтернативы как западному доминированию, так и конфликтам идентичностей [Резник 2020].

Классическим примером цивилизационных проектов может служить Просвещение в Европе XVIII в., модернизационные реформы Мэйдзи в Японии или коммунистический проект СССР. Современный Китай строит техно-цивилизационный проект, сочетающий элементы цифрового авторитаризма с конфуцианской этикой управления. США продолжают артикулировать либеральный универсализм в условиях его очевидного кризиса. Россия исторически балансирует между византийским (симфония церкви и власти), имперским (цивилизация власти), советским (цивилизация соци-

альной справедливости) и постсоветским (модернизационный импорт Запада) проектами. Однако ни один из них не был окончательно институционализирован. Современная Россия живет в пространстве незавершенной цивилизации: со сломанной модернизацией, неоконченной империей и утерянной универсалией. Попытки восстановить идентичность через нарративы памяти, geopolитическую конфронтацию и культурный консерватизм пока не перешли в оформленный проект.

Между тем мир переходит в стадию постглобального устройства – полицентричного, сетевого, фрагментированного, консенсусного, где спрос на уникальные цивилизационные формы резко возрастает. В условиях кризиса глобального либерального порядка, эрозии универсалистских моделей и технологической трансформации мира Россия оказывается перед необходимостью не столько модернизации, сколько проектирования собственной цивилизационной траектории. Цивилизационный проект – это не просто набор политических инициатив, а попытка дать ответ на фундаментальные вопросы: кто мы? куда идем? какие технологии, институты и символы должны лежать в основу будущего? Россия как «растяженная» между Европой и Азией держава, как исторически имперская, а ныне – культурно разнообразная цивилизация стоит перед вопросом: какой проект будущего она может предложить самой себе и миру?

В российском политическом и интеллектуальном дискурсе 2020-х гг. кристаллизуются три доминирующие стратегии развития:

- «имперский проект», апеллирующий к исторической субъектности, мобилизационному потенциалу и идеи русского мира;
- «технократический проект», ориентированный на цифровой суверенитет, алгоритмическое управление и трансформацию государственного аппарата в машинную рациональность;
- «неоевразийский проект», воссоздающий образ России как симфонической цивилизации между Востоком и Западом с особой геокультурной миссией.

Все три проекта конкурируют, но также содержат элементы, которые при интеграции могут дать устойчивую и оригинальную форму цивилизационного развития.

Имперский проект: «возрожденная держава»

Современный мир вступает в фазу радикального политico-цивилизационного сдвига. Распад универсалистских нарративов, деглобализация, рост конфликтов идентичностей и территориальных споров возвращают на повестку дня формы коллективной жизни, прежде считавшиеся устаревшими, включая империю. Историческая судьба России вновь сталкивается с вопросом: может ли имперский проект стать не ретроспективной тенью прошлого, а продуктивной рамкой будущего? Империя представляет собой не только политическую форму государства, но и цивилизационную модель, предлагающую управление многообразием, символическую гегемонию и миссионерскую установку. Империя универсальна не в смысле однородности, а в смысле способности удерживать разнородное в пределах общего порядка. В отличие от национального государства, стремящегося к гомогенизации, империя предполагает иерархичное, но допускающее различия единство.

Историко-идейные источники. Империя как форма цивилизации – это не только территория и власть, но и символический порядок, в котором множественность объединяется вокруг метафизического центра. В российском

контексте имперская парадигма всегда означала не этническую экспансию, а культурную и миссионерскую интеграцию (государственность, православие, язык) [Угрин 2017]. Имперский проект направлен на возрождение символической субъектности. Такой путь связан с реинтерпретацией и рецепцией исторического наследия дореволюционной России и СССР. В его основе лежит идея политico-культурного центра, собирающего евразийское пространство на основе общих ценностей, языка, религии и памяти. Главный ресурс проекта состоит в историческом воображении и мобилизационной культуре. Советский проект в этой логике стал «постимперской империей», заменив религию на идеологию, а сословность – на классовую мобилизацию [Кара-Мурза 2008]. После распада СССР идея восстановления имперского порядка трансформировалась в риторике «русского мира», «исторической России», «реинтеграции евразийского пространства» [Проханов 2007].

Современное содержание. В постсоветский период идея империи долгое время оставалась табуированной. Либеральная парадигма, господствовавшая в 1990-е и частично в нулевые годы, предполагала отказ от всякой «имперской» в пользу интеграции в западные институты. Однако кризис этой стратегии стал очевиден после 2014 г. и особенно после 2022 г. С тех пор имперская риторика, символика и практики стали вновь центральными в государственном нарративе. Имперский сценарий 2020-х – это проект реполяризации: восстановление культурной субъектности, символического центра, мобилизационного ресурса. Он подпитывается ностальгией, но претендует на будущее, где Россия возвращается в «высшую лигу истории» как альтернативу однополярному миру [Дугин 2024].

Инструментально имперский проект проявляется в воссоздании вертикали власти, институционализации идеологической платформы (патриотизм, историческая преемственность), внешнеполитических действиях по расширению зоны влияния. Современный имперский проект России проявляется в ряде аспектов. В частности, в общественном сознании происходит реабилитация советско-имперского наследия как источника силы и справедливости. Реализации проекта способствует геополитическое расширение влияния через идею русского мира, языковой, культурной и духовной общности. Формы интеграции постсоветского пространства (ЕАЭС, ОДКБ) можно рассматривать как реинституционализацию евразийства. Имперскости соответствует усиление централизма и иерархизации федеративных отношений. В имперском русле лежит культурная политика памяти с героизацией российского и советского прошлого.

Парадоксальные проблемы. Однако современный имперский дискурс страдает от амбивалентности: он часто носит ретроспективный, мемориальный характер, вместо того чтобы предлагать позитивный, структурированный проект будущего. Главная угроза – превращение имперского мифа в форму ретроспективной мобилизации без опоры на новые институты. При отсутствии модернизационного ядра империя может оказаться риторической конструкцией без «плотности» и энергии. Российская империя и позднее – Советский Союз были не просто государствами, но цивилизационными машинами, производящими смысл, идентичность, субъектность. Их крах породил не только геополитический вакuum, но и онтологическую дезориентацию, выраженную в потерянности элит и населения.

Любой имперский проект в современном мире сталкивается с рядом внутренних и внешних вызовов, таких как:

– внутреннее многообразие: культурная, этническая и религиозная фраг-

ментация может обернуться дезинтеграцией, если империя превращается в репрессивную машину;

— ценностная конкуренция: постимперские общества требуют горизонтальной идентичности, участия и уважения к правам меньшинств;

— международная изоляция: внешние санкции, недоверие и образ «агрессора» подрывают возможности имперской гегемонии;

— историческая усталость: население может быть не готовым к мобилизационной логике и жертвенности, связанной с имперским стилем.

Следовательно, империя должна быть не имитацией, а рефлексией — осмысленной попыткой наделить форму содержанием, способным быть универсальным и привлекательным.

Для продуктивной артикуляции имперского проекта в XXI в. необходимо выйти за пределы воспроизведения старых форм. Имперский проект будущего не предполагает механического возврата к формам XIX или XX в. Он требует трансформации имперского архетипа в постлиберальную и постнациональную форму политической и культурной интеграции.

Технократический проект: «алгоритмическое государство»

XXI в. можно характеризовать и как эпоху технологий, и как время кризиса политики. На фоне избыточной информации, управлеченческой неэффективности и утраты доверия к демократическим институтам усиливается интерес к технократическим моделям управления, предполагающим приоритет компетенции, данных, системного мышления и технологической рациональности. Технократия может быть не только инструментом, но и новой формой цивилизационного существования — с собственной онтологией, этикой, культурой и телесностью. Это требует переосмысливания технократии как политико-философского феномена, способного стать основой будущего проекта для таких стран, как Россия, — находящихся между модернизационным догоняющим импульсом и постглобальной стратегией суверенизации.

Парадигма технократии. Идеи управления обществом посредством технологий восходят к эпохе Просвещения, которая принесла культивизм разума и научного управления. Технократия основывается на позитивизме О. Конта, где управление обществом должно быть основано не на воле, а на знании. В XX в. идеи технократии были институционализированы в различных формах — от западного государственного менеджеризма до советского планирования. В СССР эта идея приняла форму планового государства и технонауки как главного двигателя прогресса [Капица, Курдюмов, Малинецкий 2020]. В XXI в. технократия трансформируется в цифровую технополитику, основанную на обработке и анализе *Big Data*; управлении через алгоритмы, ИИ и предиктивные системы; платформенной логике власти; персонализации политического процесса.

Современная технократия заключается не во власти инженеров, а в управлении обществом архитекторами цифровых систем посредством алгоритмов; государство трансформируется в нейросеть [Гавриленко 2023]. Бюрократия замещается платформами; контроль — децентрализованными решениями. Современный технократический проект строится на логике предиктивного управления (искусственный интеллект, *Big Data*), цифрового суверенитета, платформенного государства [Зубофф 2025]. Новая технократия представляет собой уже не просто власть экспертов, а режим онтологического производства будущего на основе технологии как предельного рационального кода.

Российские перспективы. Технократический проект выступает как один из возможных векторов цивилизационного развития России в условиях кризиса модернистских универсалий и трансформации глобального порядка. Технократия рассматривается не только как административная модель, но как потенциальная цивилизационная матрица, сочетающая технологический суверенитет, управл恒ический рационализм и цифровую субъектность. Целеполагание технократического проекта состоит в построении цифрового суверенного государства с опорой на искусственный интеллект, платформенную экономику и технологическую независимость. Россия в этом сценарии следует китайскому пути, но с менее централизованной системой. Основной вызов реализации технократического проекта состоит в ограниченности ресурсной и интеллектуальной базы, рисках цифрового неофеодализма и социальной стратификации.

Россия исторически демонстрировала высокую восприимчивость к технократическим импульсам – от советской плановой экономики до культов инженерии, науки и ракетно-ядерного комплекса. В постсоветский период технократия частично сохранилась в управлении (особенно в финансовой, оборонной и ИТ-сферах), но ее развитие имеет целый ряд ограничений. Клиентелизм и «вертикаль управления» препятствуют автономии экспертов. В стране отмечается слабая институционализация науки и *R&D* (исследования и разработки). Цифровизация общества оборачивается политической инструментализацией, настроенной на установление контроля вместо развития. Постсоветский популизм сформировал культурное недоверие к рационализму и элитаризму. Однако кризис традиционных идентичностей, санкционная изоляция и потребность в экономическом суверенитете открывают окно возможностей для техноцивилизационного поворота.

Технократическая модель: противоречия и перспективы. Цивилизационная технократия, как и любая модель, несет в себе внутренние противоречия и опасности. Опасность реализации технократического проекта состоит в утрате субъектности: человек как гражданин может исчезнуть, уступив место «профилю». Политика редуцируется до уровня администрирования. Необходима новая «техноэтика» – симбиоз рациональности и культурного смысла. Постполитизация общества влечет вытеснение воли и участия в пользу алгоритмов и неучастия. Цифровой неофеодализм приводит к монополизации данных и власти платформ. Технократический элитаризм выливается в отчуждение большинства от решений, непрозрачность процедур. Символический дефицит возникает в отсутствие универсального нарратива, способного вдохновлять, а не только управлять. Таким образом, технократический проект может стать полноценной цивилизационной матрицей только в том случае, если он будет дополнен гуманитарным, культурным и символическим слоем, не подменяя его [Пантин, Лапкин 2020].

Технократический сценарий развития может быть оформлен как цивилизационный проект, если он включает не только технологическую модернизацию, но и символический код, этическую основу, новые формы субъектности и политическую форму. Символический код заключается в представлении о технологии как культурной миссии (от ракет до ИИ). Техноэтика должна быть основана на справедливом доступе к информации, антиутопической ответственности и приоритете долгосрочного развития. Новые формы субъектности состоят в социальном статусе «техногражданина» как носителя компетенций, автономии и цифрового этикета. Политическая форма мыслится как техносуверенная республика – государство, способное не только управлять

обществом, но и производить будущее для всех представителей общества. Особенностью российского варианта может стать синтез технологического развития с традиционалистскими основаниями – от «русского космизма» до православной этики меры и ответственности.

Неоевразийский проект: «симфоническая цивилизация»

С началом XXI в. цивилизационные проекты перестали быть предметом исключительно теоретических размышлений – они стали политическим императивом. В современном положении России в мировой системе возникает вопрос о возможности построения устойчивого евразийского цивилизационного кода как альтернативы западному универсализму и восточному техноавторитаризму. Россия, находясь на стыке Европы и Азии, все более отчетливо сталкивается с необходимостью формулирования собственной метафизики будущего. На этом фоне усиливается интерес к неоевразийству как попытке возродить и переосмыслить идеи евразийской идентичности и адаптировать их к реалиям глобального перелома. Неоевразийство сегодня представляет собой не только геополитическую теорию или историософскую школу, но и потенциальную цивилизационную программу, претендующую на формирование нового субъекта истории и альтернативного глобальному Западу миропорядка.

Историко-теоретический контекст. Появившееся в эмигрантской среде в 1920-е гг. (Н. Трубецкой, П. Савицкий, Г. Флоровский) классическое евразийство утверждало самостоятельность России как особого культурно-исторического мира; синтез православия, тюркских традиций и азиатской духовности; отвержение как западничества, так и восточной имитации; цивилизационную географию как ключ к исторической судьбе [Трубецкой 1999]. Евразия рассматривалась как географическое пространство, на «кормящих» и «вмещающих» ландшафтах которого формировались «многонациональные нации», объединяемые общей историей и культурой. Энергия «пассионарности» отдельных народов предопределила этногенез и ритмы истории Евразии [Гумилев 2023]. Евразийство как теория отталкивалось от идеи особой культурной и географической природы России: не Запад и не Восток, а третья цивилизация [Орлик 2010]. С конца 1980-х гг., особенно после распада СССР, начинается вторая жизнь евразийства. В постсоветской версии (А. Дугин, Н. Нарочницкая, Е. Примаков) оно обрело геополитическую направленность – противостояние атлантизму и либеральной универсалии [Дугин 1997].

Неоевразийство трансформируется в геополитическую доктрину много-полярности (против однополярного мира США); интеграционный проект (ЕАЭС, ОДКБ); ценностно-культурную модель (традиционизм, антилиберализм, идентичность); онтологическую оппозицию Западу (не как партнеру, а как другому типу бытия). В условиях постглобального кризиса неоевразийский проект мыслится как один из ключевых сценариев цивилизационного будущего России. Идейные традиции евразийства, современные геополитические условия и культурная динамика постсоветского пространства наводят на интерпретацию неоевразийства как символико-ценостной, политико-интеграционной и миросистемной модели.

Цивилизационная архитектура. Неоевразийство настроено на формирование инклюзивной идентичности, основанной не на этническом или конфессиональном единстве, а на принципе цивилизационного синтеза. Оно предполагает многоязычие и поликультурность как норму; нелинейное время (отказ от западного прогрессизма); религиозный плюрализм, но при метафи-

зическом ядре (православие – «центр гравитации»). Евразийство предлагает форму симфонической федерации, где различные народы и регионы связаны не административно, а ценностно и символически. Это требует отказа от жесткой вертикали в пользу гибкой сетевой системы, основанной на доверии, исторической памяти и принципе равноправия в различии. Неоевразийство продвигает многообразие культур при символическом единстве, многополярность как глобальный принцип, органическую модернизацию без вестернизации [Радкевич, Шабага 2021]. Неоевразийский проект предполагает развитие не через конкуренцию, а через кооперацию пространств, особенно в таких зонах, как Сибирь, Центральная Азия, Арктика. Это соответствует логике «экономики меры», противопоставленной как либеральной гиперглобализации, так и китайской гиперцентрализации.

Ограничения проекта. Несмотря на потенциал, неоевразийский проект сталкивается с рядом вызовов. В частности, склонность к имперскому дискурсу подавляет реальную полифонию множественности. На постсоветском пространстве наблюдается дефицит институциональной поддержки евразийских инициатив, за исключением символических структур. В современной политической науке и гуманитарном образовании прослеживается интеллектуальная маргинализация евразийской тематики. Попытки навязать евразийство как внешнеполитическую доктрину порождают риски geopolитической изоляции страны. Риски реализации проекта кроются в повторной идеологизации, институциональной слабости, зависимости от внешнеполитической конъюнктуры. Без опоры на реальные механизмы (наука, экономика, коммуникации) евразийство может остаться только интеллектуальной утопией.

Альтернативный проект развития заключается в создании цивилизации смыслов посредством артикуляции уникальной ценностной модели, основанной на синтезе традиции и критической рефлексии. В центре внимания цивилизационного проекта находятся идеи общинности, этики меры, природы, духовности и субъектности. Россия может стать ядром неоевразийского цивилизационного проекта только при условии, если перестанет мыслить евразийство как «внешнюю политику» и сделает его внутренним принципом устройства общества. России необходимо сформировать новую интеллектуальную элиту, способную к диалогу культур и к производству смысла. В стране нужно выстроить образовательную модель, в которой евразийство будет не идеологией, а мировоззренческим инструментом. Россия должна предложить миру альтернативу не как отрицание Запада, а как позитивный, универсальный проект, основанный на этике уважения различий, культурной дипломатии и коэволюции.

Синтез проектов: «перекрестная интеграция»

Цивилизационные проекты – это не просто сценарии будущего, но способы артикуляции национальной судьбы. Россия, находясь на изломе эпох, имеет шанс не копировать чужие модели, а синтезировать свои. Имперский, технократический и неоевразийский проекты – части большой «дорожной карты», которую еще предстоит проложить.

Имперский проект будущего России предполагает не столько создание суверенного государства с опорой на традиционные ценности и технологическое развитие, сколько воссоздание сверхдержавы, мирового «центра силы» посредством интеграции евразийского пространства. Такой проект будущего не является неизбежным, но он глубоко укоренен в культурных кодах России.

Он может стать основой для цивилизационного возрождения при условии, что выйдет за пределы консервативного ритуала и станет инструментом реальной модернизации, культурной экспансии и политической субъектности. Вопрос не в том, быть или не быть империей, а в том, какой империей быть – ретроимитационной или постмодерной, рефлексивной, открытой и мобилизующей.

Россия может стать техноцивилизацией, если откажется от копирования китайской модели цифрового авторитаризма и западной модели корпоративной дигитализации и выстроит собственный синтез – с опорой на инженерную культуру, научную школу, евразийскую пространственность и культурную множественность. Такой проект требует новой интеллектуальной элиты (инженеры-философы, гуманитарии-программисты); политической воли к институциональной реформе (реальный суверенитет в ИИ, телекомах, data-центрах); культурной миссии, способной дать смысл цифровой модернизации. Только в этом случае технократия станет не просто управлеченческой логикой, а цивилизационным предложением будущего – и для самой России, и для мира, уставшего от хаоса.

Неоевразийский проект может стать цивилизационным фундаментом будущей России, если его очистить от реактивности и геополитической инструментализации; наполнить гуманитарным содержанием – философией меры, диалога и множественности; институционализировать в образовании, культуре, городской среде, цифровой инфраструктуре. Евразийский проект имеет свойство медленного действия, он непригоден для одномоментной мобилизации, но обладает мощной культурно-онтологической силой. В эпоху конца универсалий и отказа от глобального порядка он может стать моделью альтернативной современности, способной сочетать традицию, сложность и устойчивость.

Для реализации любого из указанных проектов необходимы перенастройка общественного сознания и институциональные изменения. В их числе ясная интеллектуальная артикуляция будущего через философов, писателей, стратегов, ученых; политическая воля, выходящая за пределы управления и переходящая в культурное лидерство; социальная мобилизация, основанная на смысле общего дела; образовательная революция, состоящая в отказе от инерционного копирования и формировании собственной школы мышления; цифровая среда, которая будет не механизмом контроля, а инфраструктурой цивилизационной коммуникации.

Будущее России не предопределено. Между повторением прошлого и созданием нового – выбор, требующий интеллектуального мужества, духовной дисциплины и политического воображения. Цивилизационный проект – это вызов не только элитам, но и всему обществу, которое должно вновь поверить в возможность смысла. Традиционный дискурс о будущем России часто замыкается в рамках геополитического позиционирования или экономических моделей. Необходимо сместить фокус на уровень социального проектирования, рассматривая Россию не только как страну-цивилизацию, но и как уникальный субъект, стоящий перед необходимостью осознанного выбора и конструирования своего экзистенциального горизонта в XXI в. Ностальгические реконструкции прошлого контрпродуктивны, нужна концептуальная рамка для проектирования будущего, основанная на преодолении фундаментальных вызовов через синтез пространственной специфики, технологического прорыва и гуманитарной трансформации.

Цивилизационный проект будущего должен быть не декларацией уникаль-

ности, а практической программой преодоления этих вызовов через создание новых моделей жизни, хозяйства и мышления, представляющих ценность как для граждан России, так и потенциально – для мира. Успех зависит от радикальной смены парадигмы – от пассивного наследования «цивилизационного статуса» к активному, ответственному и открытому проектированию своего экзистенциального горизонта. Россия может стать не просто «хранителем традиций», но лабораторией будущего, предлагающей миру уникальные решения. Реализация этого потенциала – главный цивилизационный вызов и проект XXI в.

Список литературы

- Гавриленко О.В. 2023. Социальные технологии в эпоху «надзорного капитализма»: цифровизация и власть алгоритмов. – *Вестник Московского университета*. Сер. 18. Социология и политология. Т. 29. № 3. С. 145-165. <https://doi.org/10.24290/1029-3736-2023-29-3-145-165>.
- Гумилев Л.Н. 2023. *Этногенез и биосфера Земли*. М.: Айрис-пресс. 560 с.
- Данилевский Н.Я. 2008. *Россия и Европа*. М.: Изд-во Института русской цивилизации. 816 с.
- Дугин А.Г. 1997. *Основы геополитики: геополитическое будущее России*. М.: Арктогея. 608 с.
- Дугин А.Г. 2024. *Четвертый путь. Введение в четвертую политическую теорию*. М.: Академический проект. 683 с.
- Зубоф Ш. 2025. *Надзорный капитализм или демократия?* М.: Издательство Института Гайдара. 360 с.
- Капица С.П., Курдюмов С.П., Малинецкий Г.Г. 2020. *Синергетика и прогнозы будущего*. Кн. 2. *Образование. Демография. Проблемы прогноза*. М.: Ленанд. 384 с.
- Кара-Мурза С.Г. 2008. *Советская цивилизация*. М.: Эксмо. 1200 с.
- Орлик И.И. 2010. Евразийская идея: возникновение и эволюция. – *Вестник Российской университета дружбы народов*. Сер. Всеобщая история. № 4. С. 7-21.
- Пантин В.И., Лапкин В.В. 2020. Переходная эпоха 2020-х – 2040-х гг.: циклы, сингулярность и альтернативы нежданного будущего. – *История и современность*. № 1(35). С. 66-93.
- Проханов А.А. 2007. *Пятый имперский проект*. М.: Амфора. 624 с.
- Радкевич К.В., Шабага А.В. 2021. Евразийство и геополитика: социальные мифологемы пространства. – *Вестник Российской университета дружбы народов*. Сер. Социология. Т. 21. № 1. С. 139-153.
- Резник Ю.М. 2020. Два проекта цивилизационного будущего России: Хантингтон против Данилевского (опыт актуальной реконструкции). – *Интеллект. Инновации. Инвестиции*. № 4. С. 10-22.
- Тойнби А.Дж. 1991. *Постижение истории: сборник*. М.: Прогресс. 730 с.
- Трубецкой Н.С. 1999. *Наследие Чингисхана*. М.: Аграф. 554 с.
- Угрин И.М. 2017. *Российская государственность и имперская парадигма: философский анализ*. М.: Изд-во ИФ РАН. 106 с.

PARMA Roman Vasilievich, *Cand.Sci. (Pol.Sci.)*, Associate Professor of the Chair of Political Science, Leading Researcher of the Center for Political Studies, Institute of Humanitarian Technologies and Social Engineering, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University under the Government of the Russian Federation (49 Leningradsky Ave, Moscow, Russia, 125993; ryparma@mail.ru)

CIVILIZATION PROJECTS OF THE FUTURE OF RUSSIA: IMPERIAL, TECHNOCRATIC AND NEO-EURASIAN PATHS OF THE DEVELOPMENT

Abstract. The article offers an analytical overview of possible civilizational trajectories of the Russia's development in the context of the post-global world. The article examines three competing and potentially complementary civilizational scenarios for the Russia's future: imperial, technocratic, and neo-Eurasian. The author substantiates that they are not just political strategies, but complex ideological and institutional projects that appeal to various fragments of historical memory, cultural identity, and strategic imagination. The author analyzes foundations, internal contradictions, and possibilities for integration in the context of the transformation of the world order.

Keywords: civilization, Russia, empire, technocracy, Eurasianism, national identity, cultural code, civilizational project, future constructing, strategic scenario, development strategy, post-global world

The research is carried out at the expense of budgetary funds under the state assignment for the Financial University.